

УДК 94(470.4)3163
ББК 63.3(2)44-28

ДЬЯКИ И ПОДЬЯЧИЕ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СМУТУ НАЧАЛА XVII ВЕКА ¹

Н.В. Рыбалко

Статья посвящена вопросам управления в кризисный период Смутного времени в России в городах пограничной территории Среднего Поволжья. Среди городов было два крупных центра – Казань и Нижний Новгород, остальные были основаны во второй половине XVI в. как города-крепости: Арзамас, Алатырь, Курмыш, Свияжск, Темников, Унжа. Реконструкция биографий дьяков и подьячих помогла установить персональный состав служащих воеводских и приказных изб городов и сферу их деятельности.

Ключевые слова: история России, Среднее Поволжье, дьяки, подьячие, Смутное время, XVII век, местное управление.

Последняя треть XVI – начало XVII в. прошли под знаком освоения юго-восточных рубежей Русского государства. Успешные для Москвы завоевательные походы Ивана IV, результатом которых стало присоединение Казанского и Астраханского ханств, позволили включить в состав России обширные земли по среднему и нижнему течению Волги. Вследствие этого, одной из самых насущных задач стала оборона новых рубежей и управление присоединенными территориями.

К началу XVII в. управление территориями Среднего Поволжья осуществлял приказ Казанского и Мещерского дворца. Однако крупнейший пожар 1701 г. в Москве уничтожил практически всю документацию этого ведомства. Любой сохранившийся документ, отражающий деятельность приказа, является редкостью и уникален. Часть информации, касающейся служебных назначений, позволяют получить документы Разрядного приказа. Преимущественно это разрядные записи.

Управление пограничными крепостями осуществлял воевода, назначаемый в Москве на 2–3 года в воеводскую избу. В начале XVII в. институт мирских воевод стал актив-

но развиваться. В помощь воеводе нередко назначались дьяк и подьячий. Часто дьяки и подьячие отправлялись в города с конкретным заданием – провести сыск по поручению Сысского приказа или организовать описание земель в соответствии с деятельностью Поместного приказа. Проблема состоит в том, что ряд документов, к примеру боярские списки, содержащие пометы на полях напротив фамилий и имен о месте службы, не дают возможности определить цель назначения: то ли человек был послан на воеводство, то ли на момент составления списка отсутствовал в Москве в связи с каким-то временным поручением в данном городе. Этот вопрос частично проясняют акты, однако архивы приказных и воеводских изб городов сохранились фрагментарно, порой это только единичные документы. Но именно эти чудом уцелевшие документы дают нам чрезвычайно важную информацию, позволяющую реконструировать биографии служащих и изучать систему центрального и местного управления Московского государства.

Алатырь. Территориально город относится к Среднему Поволжью. Возникновение города в 1552 г. было связано с колонизацией Поволжья. Близ Алатыря существовал пограничный острог на границе с Казанским ханством. В начале XVII в. Алатырь активно

заселялся служилыми людьми, преимущественно дворянами и детьми боярскими. Через Алатырь проходила Карлинская засечная черта, создававшая укрепленную линию Тетюши – Алатырь – Темников. В городе функционировала воеводская изба. За период Смуты известно об одном алатырском подьячем – Василии Яковлеве сыне Ларионове. Он от «Вора» в Калуге получил грамоту на поместье в Арзамасе в 1610 году [18, № 279, с. 368].

Арзамас. Возникнув так же как город-крепость в 50-е гг. XVI в. во время завоевательных походов Ивана IV на Казань, Арзамас уже с 1578 г., официально признанной даты основания города, стал одним из главных опорных пунктов оборонительной системы юго-восточных границ Московского государства в Среднем Поволжье – засечной черты от Оки до Волги. Жители города активно участвовали в событиях Смутного времени.

О деятельности Арзамасской приказной избы начала XVII в. сохранился комплекс источников, опубликованный С.Б. Веселовским. Главным образом это документы, отражающие мероприятия Поместного приказа – отдельные и межевые книги, а также указы и грамоты практически за все царствования периода Смуты. Уже с конца XVI в. русские государи стали активно жаловать поместьями в Арзамасе дворян и детей боярских.

По указу царя Бориса арзамасскому городовому приказчику Юмшану Лобанову и подьячему Федору Баранову велено было отмежевать поместье М. Зиновьева и С.В. Родионова, а книги отдельные и межевые в сенных покосах от 9 ноября 1598 г. указано отдать в Москве в Поместный приказ. На меже на отделе в сенных покосах с Юмшаном и Федором были арзамасской судной избы целовальник Меньшик Онофреев и площадный подьячий Григорий Черной [там же, № 134, с. 162]. За справой Ф. Баранова известен наказ воеводы Ивана Яковлевича Старого-Милукова Ю. Лобанову от 3 августа 1599 г. о сыске «про две полянки, которые мордва П. Азраин с товарищами просили дать им в тягло». К наказу воевода печать свою восковую приложил [там же, № 458, с. 654]. Он же справил наказ от 16 декабря 1599 г. об отделе поместья служилому татарину Айдару Енебякову в поместный оклад [там же, № 145, с. 186]. Его

припись имеется на грамоте губному старосте Дорофею Бахметеву, по которой 4 сентября 1601 г. были составлены книги дозора и сметы Долгих полей по челобитью игумена Спасского монастыря [там же, № 154, с. 200]. 30 мая 1602 г. по наказу Ивана Борисовича Голочелова и подьячего Федора Баранова мордовский недельщик Иван Леонтьев отмежевал вотчину [там же, № 163, с. 215].

Еще один подьячий, Павел Акинфов, с тем же городовым приказчиком Ю. Лобановым 25 мая 1599 г. составил отказные книги кардавилльской мордвы, причем П. Акинфов назван в документе еще и молодым приказчиком [там же, № 140, с. 179]. По наказу Ивана Борисовича Голочелова 1 ноября 1601 г. велено сыну боярскому Е. Чичерину и подьячему П. Акинфому отделить пашни и перелог Д. Бурцеву и А. Толзакову [там же, № 156, с. 203]. В феврале 1602 г. подьячий П. Акинфов был послан с сыном боярским М. Лазаревым в Арзамасский уезд переписывать в книги «животы, лошадей, и всякую животину, и хлеб стоячий и молоченый» З. Бестужева [там же, № 159, с. 209].

Площадному подьячему Остане Григорьеву с сыном боярским Я. Болотовым 6 января 1602 г. велено было «изверстать угодья» поместья служилого татарина Ботюка Крымчеева и составить отдельные и межевые книги [там же, № 158, с. 207]. Отдельные книги за приписью арзамасского площадного дьячка Астафия Григорьева известны от 6 августа 1598 года [там же, № 127, с. 151]. 12 июля 1602 г. тот же подьячий обыскивал поместья Федора Болтина с сыном боярским Меньшим Антоновым в Тешинском стане [там же, № 164, с. 216].

Площадному дьячку Грише Филиппову и городовому приказчику Ю. Лобанову по наказу И.Б. Голочелова от 26 июня 1603 г. велено раздать пашни и угодья арзамасским служилым татарам-новикам. По этому поводу были составлены отдельные и межевые книги [там же, № 169, с. 223].

По наказу И.Б. Голочелова и подьячего Ивана Васильева сын боярский Ф.Ю. Любятинский да подьячий Дружина Федосеев 24 сентября 1603 г. взяли списки с выписи из сметных и мерных книг земли мордвы Курмышского уезда, составленных Д. Федосее-

вым [18, № 175, с. 232]. Дружина Яковлев сын Федосеев писал отдельные книги поместий И. Ртищева и С. Чуркина в деревне Черной 28 апреля 1601 г. по указу из Поместного приказа [там же, № 153, с. 199].

По цареве грамоте из Поместного приказа и по наказу за приписью арзамасского подьячего Симона Давыдова 26 августа 1604 г. сыну боярскому М. Антонову и площадному подьячему Василию Маркову велено ехать в Арзамасский уезд в поместье Н. Чуркина [там же, № 187, с. 252]. Площадный подьячий В. Марков был в Арзамасе непрерывно с 1586 года [там же, № 35, с. 37, № 50, с. 49–52]. Известно также, что 7 ноября 1601 г. он получил указ писать отказные книги на поместья [там же, № 157, с. 205].

Таким образом, в царствование Бориса Годунова в Арзамасской приказной избе служили 9 подьячих: Павел Акинфов, Федор Баранов, Иван Васильев, Астафий Григорьев, Симон Давыдов, Василий Марков, Григорий Филиппов, Дружинка Яковлев сын Федосеев, Григорий Черной. Дьяков в арзамасской избе не было, управление осуществляли воевода, городской приказчик и подьячие, причем функции подьячих, очевидно, особо не разграничивались. Так, в документах упоминаются площадные подьячие, которые наряду с остальными участвовали в мероприятиях по межеванию земель. Подьячие были прямыми помощниками воеводы и приказчика – справляли вместе с ними отписки, наказы, значились в адресатах наряду с городовым приказчиком, а следовательно, на них также лежала ответственность за исполнение царских указов. На основании полученных из Поместного приказа указных грамот на межевание земель городовые приказчики Юмшан Лобанов и Иван Борисович Голочелов составляли наказы за приписью известных нам подьячих. Подьячие осуществляли межевание земель вместе с детьми боярскими, а отдельные и межевые книги отправляли в Москву в Поместный приказ.

Документы делопроизводства позволяют проследить употребление терминов подьячий, дьячок, они порой равнозначны. Подьячего часто называют дьячком (уменьшительное от дьяка), а также молодым приказчиком.

В правление Лжедмитрия I дела вел городской приказчик Борис Иванович Доможиров, в помощь которому был поставлен подьячий Федор Кокушкин. 22 ноября 1605 г. они разбирали иск И. Нармацкого и Ф. Арбузова о самовольном владении писчасовской мордвой пустошью Румянцевской [там же, № 207, с. 283]. 3 февраля 1606 г. по грамоте царя и их наказу составлены отдельные книги поместий С. Есипова и Е. Соловцевой с дочерьми [там же, № 194, с. 264].

Документы царствования Василия Шуйского свидетельствуют о том, что на службе в Арзамасской избе после 1606 г. продолжали оставаться городской приказчик Юмшан Лобанов и подьячий Федор Баранов – за приписью Ф. Баранова 30 июля 1606 г. и за печатью Ивана Старого Милюкова составлены отдельные книги поместий Осипа, Трофима, Романа Ермоловых [там же, № 208, с. 285]. Ю. Лобанову 18 ноября 1607 г. дана наказная память от арзамасского воеводы за приписью подьячего Вериги Ковернева об отделе поместий служилым татарам Б. Алтышеву с товарищами [там же, № 224, с. 319]. Верига Ковернев известен как подьячий, помощник воеводы Т.М. Лазарева, им из Новгородского Разряда 2 июня 1607 г. был дан указ отписать у Плакиды Панова за его воровство поместье в Арзамасском уезде и отдать дьяку Андрею Иванову [там же, № 223, с. 316]. На это также пришла грамота из Поместного приказа в марте 1608 года [там же, № 230, с. 326]. Отдельные книги поместий с подлинными книгами правил подьячий Ивашко Иванов 15 марта 1608 года [там же, № 231, с. 327].

С ноября 1608 г. жители Арзамаса принесли присягу Лжедмитрию II и под его властью находились вплоть до лета 1610 года.

Подьячий Верига Ковернев был пожалован дьячеством и упоминается в этом чине уже в феврале 1609 года [там же, № 242, с. 341]. Кроме того, с ноября 1609 г. и до мая 1610 г. в Арзамасе служил еще один дьяк – Иван Микулин – на его имя приходили грамоты от самозванца из Поместного приказа и Приказа Казанского и Мещерского дворца об отделе поместий [там же, № 243–246, с. 343–345].

В 1611 г. в Арзамас из Тушина был прислан дьяк Иван Афанасьевич Шевырев [37,

л. 3]. Вскоре на него пошли жалобы. В челобитной 1612/13 г. арзамасцы дворяне и дети боярские, обращаясь с просьбой к боярам о присылке нового дьяка, сообщали, что первоначально в Арзамасе служили несколько подьячих из Москвы, а когда к ним из Тушина был прислан дьяк Иван Шевырев, он велел «быть у дела для своего воровства и корысти шести человекам подьячим и посадил к старым подьячим в прибавку своих советников Митьку Кузьмина, Дружинку Перфильева, Семейку... да Савку Иванова без боярского указа и грамот». Позже, как сообщается в челобитной, на место Ивана Шевырева был прислан в Арзамас от бояр подьячий Степан Козодавлев «в дьячье место», «и тот худ, с дела не станет, только бражничает, а подьячие в нем взяли волю и те подьячие денежное и хлебное жалованье емлют» [31, с. 263–264].

С. Козодавлев действительно служил дьяком в Арзамасе – это подтверждают отдельные книги поместий от 30 апреля 1612 г. [18, № 304, с. 400], 9 марта 1612 г. [там же, № 302, с. 398], 1 мая 1612 года [там же, № 305, с. 401–404]. В августе 1612 г. «велено было Степана Козодавлева переменить, а на его место послать Федора Баскакова, который был убит по дороге в Арзамас». В Арзамасе на момент сочинения челобитной из приказных людей служили только трое подьячих. Ф. Баскаков до этого служил подьячим в ополчении [15, с. 228], и перевод в Арзамас сулил ему продвижение по служебной лестнице. О произошедшем убийстве в ополчении Д. Пожарского стало известно не сразу – 12 сентября 1612 г. на имя Ф. Баскакова и арзамасского воеводы из Поместного приказа была дана грамота об отказе поместья дьяку Андрею Иванову [18, № 310, с. 412], а в сентябре – 13 октября 1612 г. – об отказе вотчины Ф. Левашову [там же, № 318, с. 420].

В сентябре 1612 г. на имя С. Козодавлева дана грамота из ополчения об отказе поместья А. Бахметеву [там же, № 311, с. 413]. А позже грамоты продолжали поступать из Поместного приказа уже соединенного ополчения Д. Трубецкого и Д. Пожарского со 2 октября 1612 г. до 8 декабря 1612 г. [там же, № 300, с. 394, № 319–351, с. 422–456], 2 января 1613 г. [там же, № 359, с. 463], в 1612/13 г. [там же, № 361, с. 465] и из нового правитель-

ства Михаила Романова с 10 апреля 1616 г. по 16 октября 1617 года [23, с. 249].

Предположительно дьяком в Арзамасе некоторое время был также Петр Третьяков Копнин – с подьячим Емельяном Евсеевым в 1612/13 г. они дозирали мордовские и бортные села Арзамасского уезда [там же, с. 259], известен как помещик Арзамасского уезда в 1610/11–1612/13 годах [18, № 280, с. 369–370, № 298, с. 391, № 360, с. 464].

Судным подьячим в Арзамасе был Семейка Петров (1 мая 1612 г.) [там же, № 305, с. 401].

Казань. Являясь экономическим и торговым центром Среднего Поволжья с XV в., после присоединения в 1552 г. к Московскому государству Казань продолжала оставаться главным городом в системе волжских городов.

В царствование Бориса Годунова с апреля 1598 г. в Казани служил дьяк Алексей Шапилов [23, с. 572]. В конце 1601 г. – начале 1602 г. он с князем И. Голицыным и В. Кузьминым дали из Казани И. Нащокину и И. Леонтьеву и встретивших их в Казани грузинским послам корм и провожатых до Астрахани. Об этом сообщается в челобитной И. Нащокина и И. Леонтьева царю Борису [20, № 21, с. 354].

28 мая 1602 г. по указной грамоте царя Бориса В.М. Хлопову в Нижний Новгород велено в Казани у дьяков Алексея Шапилова да у Петра Микулина взять судна, кормщиков и гребцов [4, № 38 (18), с. 44]. За приписью дьяка Алексея Шапилова по подписной челобитной 1602/03 г. велено «чуваше обоих деревень в пустоши пашню и сенные покосы ясаку поверстать» [32, с. 149].

Данные актов соотносятся с разрядными записями. Дьяк Алексей Шапилов был в числе воевод и голов в понизовых городах в Казани 30 мая 1599 г. [35, с. 86; 40, л. 66 об.], в 1599/1600 г. [34, с. 172; 35, с. 98; 40, л. 76 об.; 42, л. 69 об.], 1 сентября 1600 г. [33, с. 108; 34, л. 187], в 1600/01 г. [35, с. 116; 40, л. 92; 42, л. 104 об.]. В 1601/02 г. в Казани вместе с ним в списках воевод значится дьяк Петр Микулин [35, с. 133; 40, л. 102 об.].

26 марта 1602 г. дана ввозная грамота казанских воевод кн. Ивана Ивановича Голицына, Василия Яковлевича Кузьмина, дьяков

Петра Пивова и Петра Микулина служилому татарину Байгильдею Тантикову на деревню в Казанском уезде [16, № 3274, с. 410].

В ноябре 1602 г. в числе воевод и голов «от литовские, и от немецкие, и от крымские украины по городovým службам в понизовых городках» в Казани были три дьяка – Алексей Шапилов [35, с. 151; 40, л. 112 об.], Петр Микулин [34, с. 206; 35, с. 151; 40, л. 112 об.], Петр Деев сын Пивов [34, с. 206]. В 1603/04 г. дьяк А. Шапилов не указан, а были в Казани дьяки Петр Пивов и Петр Микулин [35, с. 175]. А. Шапилов указан в разрядах в Казани спустя год – в 1604/05 г. [19, с. 115], П. Микулин – в июне 1605 года [там же, с. 202].

Данные разрядных записей сопоставляются с актами – Петр Пивов и Петр Микулин писали отписку царю 13 ноября 1603 года [3, № 4, с. 293]. Они же были в Казани 28 апреля 1604 года [там же, № 56, с. 314].

Есть еще несколько отрывочных сведений о приказных служащих Казани правления Б. Годунова. За приписью дьяка Василия Тыртова в 1599/1600 г. были составлены дозорные книги Казанского уезда [32, с. 77–78]. За приписью дьяка Беленицы Зюзина из Казани в 1601/02 г. были даны приправочные книги [там же, с. 123].

Дьяк Пронька Симонов Ушаков 14 июля 1602 г. писал изустную память старицы М.И. Радиловой, вдовы И. Писемского, с явочной записью 3 сентября 1602 г. казанскому митрополиту Гермогену, а приписал ее дьяк Степан Дичков [7, № 216, с. 183–187].

По справочнику С.Б. Веселовского, на службе в Казани в 1605/06 г. были дьяки Иван Зубов и Калистрат Зубов [19, с. 241]. Создается впечатление, что речь идет об одном человеке – Иване Зубове. 25 ноября 1605 г. имеется указание на отписку из Казани боярина воеводы С.А. Волосского, князя М. Туренина да дьяка Ивана Зубова о приезде из Астрахани грузинского царевича Панкратия [20, № 27, с. 523]. За приписями дьяков Афанасия Евдокимова и Ивана Зубова по справе подьячего Ивана Трусова, по указу царя Василия и от боярина и воеводы С.А. Волосского, князя М.С. Туренина 13 июля 1606 г. в Казанский уезд дана ввозная грамота М. Бруткову на деревни [25, № 3, с. 4]. По всей видимости, дьяки Иван Зубов и Афанасий Евдокимов были в Казани не более года.

Разрядные записи сообщают также о том, что в Казани в июне 1605 г. продолжал оставаться дьяк Петр Иванович Микулин [19, с. 202]. В следующем году его сменили два новых дьяка: Степан Яковлевич Дичков и Никанор Михайлович Шульгин – после 19 мая 1606 г., в 1607/08 г., в 1608/09 г. [там же, с. 86, 92, 97].

Это же подтверждает актовый материал и позволяет проследить их карьеру дальше. Сохранилась отписка дьяков С.Я. Дичкова и Н.М. Шульгина из Казани в Хлынов после 1 марта 1609 г. о победе государевых изменников в Свияжском уезде [41, л. 123]. Об их отписке из Казани в Хлынов от 1 апреля 1609 г. упоминается в отписке из Хлынова в Чердынь, что в некоторых городах еще сидят изменники государевы [там же, л. 125]. За приписью тех же дьяков в 1609 г. дана отписка из Казани в Вятку о воровских людях в Яранске [25, № 27, с. 31]. 12 апреля 1609 г. дьякам Н. Шульгину и С. Дичкову в Казань дана грамота царя Василия с увещанием «пребывать верными царю и не слушать воровских русских и литовских людей и убеждать в том же татар, чувашей и черемису» [45, № 21, с. 92]. Тем же дьякам в Казань, а также боярам и воеводам В.П. Морозову и Б.Я. Бельскому дана грамота царя Василия из Посольского приказа от 23 марта 1610 г. с указанием «разузнать о правах, обычаях и вере нагайских людей, живущих в Казани, и отписать об этом в приказ» [25, № 98, с. 233].

Дьяк Никанор Шульгин значится в Боярском списке 1610/11 г. с пометой «в Казани» [22, с. 85; 39, л. 5 об.; 43, л. 14]. Дьяки Н.М. Шульгин и С.Я. Дичков продолжали оставаться в Казани и в период Междуцарствия. По грамоте от 30 августа 1610 г. из приказа Казанского и Мещерского дворца велено было С.Я. Дичкову и Н.М. Шульгину привести к присяге Владиславу «весь народ казанский» и явиться в приказ в Москву [12, № 165, с. 282]. Однако этот указ не был исполнен, и в январе 1611 г. дьяки Н.М. Шульгин и С.Я. Дичков писали в грамоте из Казани в Хлынов «об учинении присяги от всех жителей Казанских второму Самозванцу 9 января 1611 г. и о крайнем там утеснении от поляков» [там же, № 170, с. 291; 47, № 224, с. 490]. В Казань, как и во многие другие города, информация о смер-

ти Лжедмитрия II поступила с большим опозданием.

Как только было положено начало организации Первого ополчения, жители Казани, согласно отпискам С. Дичкова и Н. Шульгина, стали оказывать активную поддержку народному движению. Известны грамоты из Владимира в Казань, составленные в марте 1611 г., о необходимости «скорейшей высылки на помощь под Москву казанского ополчения» [47, № 244, с. 523], грамота из Казани в Пермь с призывом к «взаимному соединению против разорителей» и «о немедленном отправлении пермских ратных людей на помощь Москве», написанная в мае 1611 года [там же, № 256, с. 541].

За приписями дьяков Н. Шульгина и С. Дичкова даны отписки: казанцев к пермичам 12 июня 1611 г. о приведении к присяге всего казанского народа «в содействии освобождению Москвы от поляков» и сборе ратных людей и денежных доходов на помощь столице [12, № 188 (II), с. 323, № 191, с. 330 (в книге ошибочно 420)]; курмышскому воеводе Елагину по вопросу денежного сбора – 9 февраля 1612 года [31, с. 148].

По их приговору и по ввозным грамотам из Разряда даны выморочные поместья Досанмурзе в 1611/12 г. [32, с. 88]; служилому татарину Тохтаралейку 7 февраля 1612 г. [там же, с. 111]; Тешеву сыну Ботошу 12 марта 1612 г. [там же, с. 186]; казанскому митрополиту Ефрему в вотчину жеребий помещика Онучина в поместной пустоши в июле 1612 г., за справой подьячего Аврамки Кузьмина [2, № 15, с. 89–90; 13, № 3, с. 9]. Согласно межевой грамоте от 11 сентября 1612 г. за приписями тех же дьяков и справой подьячего Сурменко Тараканова архимандриту Ионе с братиею Вятского Богородского монастыря велено было «дворцовых крестьян с монастырских земель свести за ключ за Дюдюм» [46, № 139, с. 206].

Н. Шульгин упоминается в тексте Нового летописца в Казани, куда князь Д. Пожарский, видя разорение Москвы, послал Ивашку Биркина просить о помощи, «а Ивашка сам хотел обладать Казанью» [30, с. 146].

Курмыш. Построенный на берегу р. Суры нижегородскими князьями для обороны от набегов татар, Курмыш на протяжении 550 лет имел статус города. Во второй половине XVI в. Курмыш нес сторожевую службу на-

равне с другими окраинными городками. Факты упоминания о приказных людях в период Смуты единичны. 13 февраля 1612 г. в Курмыш с воеводой Д. Жедринским «о сыске в смутном деле» по указу Д. Пожарского был послан дьяк Фома Кутепов [31, с. 148–149].

Нижний Новгород. В разрядных записях в списке воевод по городам указаны в Нижнем Новгороде в 1598/99 г. – дьяк Ивашка Шарапов [33, с. 76], с 1597/98 г. и до начала 1603 г. – дьяк Василий Панов [там же, с. 97, 134].

30 июля 1598 г. Борисом Годуновым дана грамота нижегородскому дьяку Ивану Шарапову о пользовании крестьянами вотчины нижегородского монастыря лесами и борными угожьями [27, л. 1–4].

Сохранились отказные книги земель Нижегородского уезда. По указу царя Бориса и наказу воеводы Леонтия Ивановича Аксакова и дьяка Ивана Шарапова велено было отказать земли в Нижегородском уезде 12 октября и 17 декабря 1598 года [14, с. 314, 345]. По наказу того же дьяка 8 ноября 1598 г. приезжал сын боярский Меньшик Иванов сыскивать волости [там же, с. 308]. И. Шарапову в Нижний Новгород 14 января 1599 г. отправили грамоту об отдаче деревень в Троице-Сергиев монастырь [25, № 16, с. 19–20]. По его наказу и князя Ф.А. Звенигородского 25 апреля 1599 г. сын боярский мордвин Служов составил отдельные книги – отделил поместье в Березовском стане [14, с. 279].

От имени царя Бориса воевода князь Ф.А. Звенигородский и дьяк И. Шарапов 29 марта 1599 г. дали льготную грамоту строителю монастыря Сошествия Святого Духа в Нижнем Новгороде Перфирию на расчистку лесов под пашни льготою на 5 лет с платежом «по прошествии срочного времени» [38, л. 1].

По указу царя Бориса, наказу князя Ф.А. Звенигородского и дьяка Василия Панова 19 февраля 1598 г. сын боярский Меньшой Иванов обыскивал в Нижегородском уезде [14, с. 288]. По их же указу отводили земли 13 июля, 2 августа, 6 августа 1598 г. [там же, с. 300–302]; 10 мая, 18 мая, 20 мая, 2 июня, 21 июня, 25 июня 1599 г. [там же, с. 333, 342, 336, 337, 348, 392]; 15 июля, 29 июля, 23 августа, 7 сентября, 18 сентября, 23 октября, 27 ноября 1599 года [там же, с. 352, 394, 353, 378, 379, 382, 386]. По их указу составлены

отдельные книги сына боярского Никиты Твердикова в 1599 году [14, с. 286–287]. В мировых записях до начала иска в Нижнем Новгороде 3 июля 1599 г. также упоминается дьяк В.Н. Панов [11, № 154, стб. 455]. Находился там 3 октября 1600 г. [23, с. 395], 28 мая 1602 года [4, № 38 (18), с. 44]. В ноябре 1602 г. А.А. Попов предъявил дьяку В. Панову и Ю.И. Нелединскому дворовую купчую о продаже Иваном Матвеевым строения в Нижнем Новгороде, смежного с домом К.З. Сухорука [29, № 1, с. 25]. 4 ноября 1602 г. по наказу того же дьяка и воеводы князя Ю.И. Нелединского велено было отказать земли в Нижегородском уезде [14, с. 302]. 27 января 1603 г. составлена докладная служилая кабала Силуяна-Беляя Иванова с доклада в Нижнем Новгороде Ю.И. Нелединскому и дьяку Василию Панову [16, № 1070, с. 139].

Данные разрядных записей и актовое делопроизводства полностью сопоставимы. Дьяк Иван Шарапов в мае 1599 г. переведен на службу в Москву во Владимирский Судный приказ, 2 сентября 1600 г. он выехал в составе посольства в Персию, а дьяк Василий Панов с 1603 г. служил в Тобольске.

28 декабря 1603 г. в Нижнем Новгороде был Иван Салманов – ему адресована память царя Бориса [3, № 13, с. 299], в это время он являлся дьяком Нижегородской чети в Москве. Можно предположить, что Иван Салманов был в Нижнем Новгороде временно, пока не прислали нового дьяка после Василия Панова.

В Росписи русского войска 1604 г. дьяком с указанием «в Нижнем Новгороде» записан Алексей Карпов [21, с. 77]. Свидетельства о его службе в Нижегородской приказной избе в актовом материале появляются с 1 февраля 1604 года [3, № 14, с. 299]. В это время в Нижний Новгород Ю.И. Нелединскому и дьяку Алексею Карпову была отправлена грамота царя Бориса с указанием отпустить к Москве с пожиточными лошадьми грузинского царя Александра послов старца Кирилла и подьячего Савву и их людей [20, № 24, с. 374]. Ю.И. Нелединский и А. Карпов 6 февраля 1604 г. отправили о том отписку в Посольский приказ [там же, с. 375].

Приказной М. Молчанов в 1604/05 г. подал царю Борису явочную челобитную об ос-

корблении его дьяком Алексеем Карповым за отказ выдать вино кабацким старостам за принесенную казне прибыль. В документе упоминается о дьячей избе Нижнего Новгорода и о подьячем этой избы Филиппе Ларионове. Ф. Ларионов с площадным подьячим Володей Кирилловым составили извет на кабацких старост Алешу Галку с товарищами, «которые чинят государеву прибыль, про государево кабацкое вино» [29, № 2, с. 26].

Дьяк Алексей Карпов был там же 10 января 1605 года. На его имя и М.В. Молчанова в Нижний Новгород за приписью дьяка Ивана Ефанова (из Поместного приказа) была дана указная грамота царя Бориса Федоровича об отделе А.З. Бестужеву, И.И. Канреву и вдове Марии Козловой бывшего поместья И.И. Козлова в Нижегородском уезде [8, № 31, с. 47].

Сохранились некоторые сведения о подьячих. Дьячок Дмитриев Алексеев в 1598 г. составил книги по отводу земли Р. Леонтьевым в Давыдовской пустоши Павловского острога [14, с. 211, 212]. Нижегородский площадный подьячий Климко Петров сын Чижов писал отдельную книгу в 1599 году [там же, с. 404]. Писцами ямской слободы в Нижнем Новгороде в 1598/99 г. были подьячие Максим Романов и Тимофей Желобов [23, с. 450].

По всей видимости, в Нижегородской приказной избе служил подьячий Василий Юдин – согласно разысканиям П.Г. Любомирова, был в Нижнем подьячим в 1594/95 году [26, с. 298]. Кроме того, сохранились расспросные речи архимандрита Вознесенского Печерского монастыря Трифона с братьей от 12 мая 1604 г. об отданной на оброк подьячему Василию Юдину монастырской пустыни Якшинское в Нижегородском уезде [17, № 143, с. 444].

Таким образом, в Нижегородской приказной избе в правление Бориса Годунова служили 4 дьяка: Иван Шарапов (до мая 1599 г.), Василий Панов (до конца 1602 г.), Иван Салманов (в 1603 г.), Алексей Карпов (с 1604 г.) и 7 подьячих.

В правление Василия Шуйского в приказной избе Нижнего Новгорода сидели уже новые люди. Филимон Михайлович Озеров упоминается дьяком Нижнего Новгорода в царской тарханной грамоте царя Василия от 19 августа 1606 г. «О переписании старых жа-

лованных грамот», данной из приказа Большого прихода Нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам [4, № 69, с. 87]. Согласно справочнику С.Б. Веселовского, дьяк Ф. Озеров при царе Василии по Уложению пожалован с сыном Кондратом за Московское осадное сидение вотчиной, его оклад составил 700 четей, а сына – 350 четей [23, с. 384].

В 1607 г. в дьячьей избе на место Ф. Озерова дьяком был назначен Василий Юдин – ему и воеводе князю А. Репнину в Нижний Новгород 13 марта 1607 г. была адресована указная грамота из Поместного приказа об отдаче на оброк Троице-Сергиеву монастырю деревни Игумново [25, № 16, с. 19]. 6 июля 1607 г. им же в Н. Новгород была дана указная с прочетом грамота царя Василия Шуйского о бережении братии и церковного притча духов монастыря от обид, насильств и продаж со стороны патриарших десятильников и посадских людей с назначением двух сроков вызова их на суд в Москву [17, № 281, с. 468]. По сведениям Нижегородских платежниц, дьяк В. Юдин собирал оброк в Нижнем Новгороде в 1607/08–1611/12 годах [28, с. 80, 138, 238].

В Расходной книге денежного стола Разрядного приказа есть упоминание о нижегородских подьячих – Романе Данилове и Денисе Лукине – они вместе с приставом сыном боярским А. Башмаковым 30 июля 1607 г. были отправлены на три недели в Псков «с кормом для тюремных сидельцев» [36, с. 300].

В правление Василия Шуйского с 1608 г. на воеводство в Нижний был определен Андрей Семенович Алябьев, в прошлом дьяк Галицкой четверти, участник похода царя Василия под Тулу в мае 1607 года [19, с. 87, 91, 118, 144, 158]. 10 декабря 1608 г. по указу царя Василия А. Алябьев дал память старостам, целовальникам и крестьянам старорусских сел «о присылке к нему челобитчиков с повинною государю» [4, № 112, с. 141]. В отписке вятчан к пермичам от 26 января 1609 г. говорится о поражении воеводою А. Алябьевым «мятежников балахонских, арзамасских и алатырских», о «раскаянии шуян, костромичей, галичан и вологжан» [12, № 104, с. 204]. Но уже в отписке Ф. Плещеева и А. Просовецкого из Владимира от 27 марта 1609 г. он назван изменником – сообщается о прибытии воров под

Владимир из Нижнего Новгорода «Андрюшки Алябьева да Федьки Левашова с понизовыми людьми» [45, № 12 (LVI), с. 63]. Воевода А. Алябьев значится в перечне дворян Боярского списка 1610/11 г. с пометой «на Балахне» (зачеркнуто – «в Нижнем») [22, с. 91].

С конца ноября 1608 г. в делопроизводственных документах Нижегородской приказной избы встречается имя дьяка царя Василия – Василия Семенова, служившего ранее в Приказе Нового Земского двора, – о нем известно по отписке архимандрита Нижегородского Вознесенского монастыря Иоила игумену Луховской Тихоновы пустыни Ионе о несогласии нижегородцев покориться самозванцу [31, с. 5]. Припись дьяка В. Семенова имеется на отписке нижегородцев, приложенной к отписке вятчан к пермичам от 26 января 1609 г. о поражении мятежников [12, № 104, с. 204]. Дьяку В. Семенову, а также нижегородским воеводам – «людям царя Василия» – была адресована отписка пермичей о готовности всей Пермской земли служить государю, написанная в феврале 1609 года [31, с. 25–26]. 1 марта 1609 г. он вместе с воеводами составил отписку о текущих событиях из Нижнего Новгорода на Вятку – о ней упоминается в отписке из Казани в Хлынов, на Вятку [41, л. 123].

В Нижний Новгород воеводам и дьяку В. Семенову были адресованы грамоты: от 13 апреля 1609 г. из Новгородской чети о выдаче годового оклада жалованья за многие службы астраханским, московским, рязским и рязанским стрельцам и казакам [45, № 28, с. 100]; от 15 апреля 1609 г. с указанием выдать сибирскому царевичу Алею пищу и платье [31, с. 27]; от 15 апреля 1609 г. о немедленной отсылке в разные города царских грамот с приказанием отпустить стрельцов немедленно с провожатыми к Ф.И. Шереметьеву и в понизовые города [45, № 30, с. 103].

Иногда в местной администрации случались и произволы. Известна челобитная слуги боярина Ф.И. Шереметьева Индрика царю Василию от 26 октября 1609 г., где Индрик во всех подробностях описал случившиеся с ним события. 17 октября в Нижнем Новгороде произошел всполох от воровских людей. У крестьянина Индрика – Ивашки Худопера –

стрельцы отобрали 2 зипуна. Индрик пожаловался властям. Сыскать зипуны было поручено стрелецкому сотнику Баиму Калзакову, «а он, сыскав, с теми же стрельцами зипуны пропил». Индрик написал челобитье дьяку Василию (Семенову), а тот «его не выслушал и стал говорить Баиму, не умел де он холопа того Индрика надвое перерезать. Да он же, Василий (Семенов), учал в соборе государя моего Федора Ивановича Шереметева матери лаять перед князем Александром Андреевичем. И Василий приказал сотнику стрелецкому того Индрика и иных холопов Федора Шереметева или крестьян грабить до нога и убить до смерти» [12, № 142, с. 257–258]. Таким образом, перед нами одно из нередких, как видим, свидетельств самоуправства в приказной избе, с большей вероятностью возможных в условиях кризиса, когда с ослаблением центральной власти ее представители на местах чувствовали себя вольными поступать «по своему разумению».

Василий Семенов значится в перечне дьяков по приказам Боярского списка 1610/11 г. с пометой «в Нижнем Новгороде» [22, с. 85; 39, л. 5 об.; 43, л. 15]. Был там же в 1612 г. [19, с. 107; 24, с. 1; 28, с. 137, 138, 151, 173, 235, 241] и с 3 января 1613 года [5, № 74, с. 99; 18, № 361, с. 466].

Назначение в Нижний Новгород получил от Сигизмунда III дьяк Иван Горихвостов [28, с. 153].

13 сентября 1610 г. дана докладная служилая кабала, с доклада нижегородскому воеводе князю Александру Андреевичу Репнину и дьяку Василию Иванову, Федора Иванова сына Н.С. Немчинову в 2 рубля сроком на год [16, № 2218, с. 279]. Василий Иванов ранее известен на службе в Нижегородской чети.

Нижегородские платежницы позволяют установить, что в Нижнем Новгороде служили дьяки: Иван Григорьев – в 1607/08–1611/12 гг. собирал оброк в Нижегородском уезде [28, с. 60, 114, 215]; Петр Иванович Микулин – в 1609/10–1611/12 гг. [там же, с. 169]; снова в документах встречается имя Филимона Михайловича Озерова – в 1611/12 г. собирал оброк [там же, с. 138].

Подьячими были: Иван Алексеев – в 1610/11 г., 1611/12 г. имеются сведения о его obroке [там же, с. 7, 109, 204] (в ноябре 1611 г.

и в 1612/13 г. с Борисом Собакиным он был отдельщиком дворцовых сел в Кинешме [1, № 304, с. 325–326; 9, № 36, с. 30–31; 10, № 21, с. 18–19; 16, № 202, 203, с. 33]); Иван Андреев – в 1610/11 г. платил оброк медом [28, с. 180]; Иван Вяльцов в 1611/12 г. имел двор в Нижегородском уезде [там же, с. 153]; Клим Козодавлев в 1612/13 году [там же, с. 173].

Площадными подьячими в 1607/08–1611/12 гг. были: Никита Михайлов [там же, с. 91, 239], Михалка Немиров [там же, с. 91, 93, 239, 240], Ефимка Семенов [там же, с. 91, 239], Константин Чижов [там же, с. 67, 228, 240], Петр Головин [там же, с. 153, 165].

В 1607/08–1611/12 гг. известны справные подьячие: Федор Русинов [там же, с. 90, 238, 242], Наум Терентьев [там же, с. 242], Василий Ураков [там же, с. 152, 236]. О нижегородском подьячем Бажене Федосееве упоминается в отписке из Казани курмышскому воеводе Елагину от 9 февраля 1612 года [31, с. 148].

Свияжск. Строительство крепости Свияжск в 1551 г. было связано с завоевательными походами на Казанское ханство. Во второй половине XVI – XVII в. через введение в оборот земель Свияжского уезда продолжалось хозяйственное освоение Поволжья.

В 1599/1600 г. по указу царя Бориса в Свияжске был дьяк Кир Иванов (в это же время дьяк в Трети Московской) с воеводой В.Н. Щепа-Волынским [34, с. 172]. В 1601/02 г. в Казанских пригородах был подьячий Кирилл Афанасьев [35, с. 133; 40, л. 102 об.]. В 1604/05 г. в Свияжске служил дьяк Игнатий Синцов [23, с. 477].

В правление Лжедмитрия I и до 1607/08 г. известен на службе дьяк Иван Григорьев [там же, с. 133].

В ноябре – декабре 1608 г. Свияжск находился под властью самозванца, а в 1609 г. туда был отправлен думный дьяк Московского Разряда Тимофей Андреевич Витовтов. 12 апреля 1609 г. ему дана государева грамота с похвалой за верную службу и с известиями о положении дел в Москве и других городах [25, № 32, с. 36]. Помета «в Свияжске» имеется против его фамилии, первой в перечне «дьяков по приказам» Боярского списка 1610/11 года [22, с. 84; 39, л. 12; 43, л. 5]. В 1611/12 г. там уже дьяк Семен Собакин [19, с. 107].

Темников. Город Среднего Поволжья Темников основан как крепость в 1536 году. В исковой грамоте, правленной дьяком Нечаем Федоровым в 1601/02 г., темниковский мордвин жаловался царю на темниковского площадного подьячего Федора Федотова в том, что он «кабалу чети вычерчивал и у мордвина кабалу из рук вырвал» [44, л. 61, 90].

Унжа. 4 июня 1612 г. на Унже был подьячий Шестак Мелентьев Копнин [6, № 119 (27), с. 165]. 20 января – 15 февраля 1613 г. в деле на Белоозере о стрельцах, которые вместо того, чтобы по грамоте бояр идти под Москву, возвратились на Белоозеро с продажным вином, Шестак Мелентьев назван уже дьяком, с С.М. Чепчуговым взяли отпись в вине [там же, № 99, с. 123].

Таким образом, удалось собрать сведения о службе дьяков и подьячих восьми городов Среднего Поволжья, представлявших собой в административном отношении города-крепости. Особенностью управления этих городов было то, что помимо воевод назначение на службу получали и представители приказной администрации – дьяки и подьячие. Это отличало Среднее Поволжье от Нижнего, где, за исключением Царицына и Астрахани, управление осуществляли исключительно воеводы. Практически все сведения о городской службе, содержащиеся в документах официального делопроизводства Разрядного приказа – разрядных книгах и боярских списках, сопоставляются с актовым материалом, что дает возможность увидеть, как в действительности осуществлялось взаимодействие центрального и местного аппарата управления в государстве.

По традиции, складывавшейся в системе делопроизводства, все указы и отписки составлялись в двух экземплярах: один направлялся адресату, второй оставался у отправителя. Благодаря этому и удается восстановить деятельность некоторых приказных и воеводских изб несмотря на многочисленные пожары и гибель приказных архивов.

Городовое воеводство в начале XVII в. было основным звеном местного управления. Дьяки и подьячие достаточно часто служили вместе с воеводой и были его помощниками. Встречаются примеры управления на местах воеводы с подьячим без дьяка или городского приказчика с подьячим.

С началом в стране Смуты и беспорядков в городах часто происходили случаи неподчинения царским указам и самоуправства дьяков местной администрации, как, например, в Арзамасе, Нижнем Новгороде. Это свидетельствует об ослаблении верховной власти и о росте бюрократии на местах. Чувствуя безнаказанность, а с другой стороны, и отсутствие защиты и поддержки со стороны Москвы, чиновники довольно часто брали на себя ответственность в принятии решения, не снимая с себя должностных полномочий по управлению городом и уездом в условиях государственного кризиса.

Особо остро вопрос управления стоял в царствование Василия Шуйского. С созданием альтернативного правительства в Тушино к осени 1608 г., и с началом массового перехода представителей московского дворянства и других служилых чинов на сторону самозванца, многие города принесли присягу «царю Дмитрию». Кризис выражался в том, что представители местной администрации ряда городов отказывались выполнять распоряжения правительства Василия Шуйского. Но и Лжедмитрию II нужны были, прежде всего, вооруженные силы, а значит люди для пополнения войска и средства для его содержания. Именно за этим самозванец обращался к жителям городов в своих грамотах, а его сторонники часто творили произвол и грабежи, что не прибавляло авторитета «царю Дмитрию». Нестабильная сложная ситуация заставляла города снова переходить на сторону Василия Шуйского.

В период Междуцарствия произошло углубление кризиса в сфере управления. С лета 1610 г. и до образования Первого ополчения в январе 1611 г. большинство городов подчинялись боярскому правительству Москвы – распоряжениям от имени Владислава и Сигизмунда III. С образованием ополчений центральное управление еще более ослабло – власть боярского правительства стала скорее номинальной. Ополчения нуждались в самих ратных людях, оружии и пропитании. Дьяки и подьячие городов находились в состоянии неопределенности. Большинство городов оказывали поддержку руководителям ополчений, однако были случаи отказа от признания какой бы то ни было верховной власти.

Преодоление кризиса в управлении и восстановление целостности Московского государства стало возможным лишь после снятия осады Москвы, ослабления польской интервенции, избрания нового царя Михаила Романова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ № 09-01-00034а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собрал и издал А. И. Юшков. – Ч. 1. – М. : Унив. тип., 1898. – 416 с.
2. Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. – М. : Унив. тип., 1897. – 131 с.
3. Акты времени Лжедмитрия I (1604–1606 гг.). Грузинские и кабардинские дела. Разд. IV // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Вып. 1. – М. : Изд. ОИДР, 1918. – 328 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. – Т. 2 (1598–1613 гг.). – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 438 с.
5. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве: в 2 т. / собрал и ред. С. Б. Веселовский. – Т. 1 (1587–1627 гг.) // Чтения ОИДР. – М. : Изд. ОИДР, 1913. – Кн. 2–4. – 490 с.
6. Акты подмосковных ополчений и Земского собора (1611–1613 гг.) / под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Вып. 5. – М. : Изд. ОИДР, 1911. – 228 с.
7. Акты служилых землевладельцев XV – нач. XVII в. : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище. – Т. 1. – 1997. – 432 с.
8. Акты служилых землевладельцев XV – нач. XVII в. : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище. – Т. 2. – 1998. – 607 с.
9. Акты служилых землевладельцев XV – нач. XVII в. : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище. – Т. 3. – 2002. – 680 с.
10. Акты служилых землевладельцев XV – нач. XVII в. : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище. – Т. 4. – 2008. – 632 с.
11. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. В. Калачева. – Т. 2. – СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1864. – 870 с.
12. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук : в 4 т. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – Т. 2. – 392 с.
13. Акты, сообщил А. Н. Зерцалов // Чтения ОИДР. – М. : Изд. ОИДР, 1896. – Кн. 3. Смес. – С. 1–32.
14. Анпилогов, Г. Н. Нижегородские документы XVI в. (1588–1600 гг.) / Г. Н. Анпилогов. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 462 с.
15. Антонов, А. В. Родословные росписи конца XVII века / А. В. Антонов. – М. : Археогр. центр, 1996. – 414 с.
16. Антонов, А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 8. – М. : Древлехранилище, 2002. – 656 с.
17. Антонов, А. В. Вотчинные архивы Нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII века / А. В. Антонов, А. В. Маштафаров // Русский дипломатарий. – Вып. 7. – М. : Древлехранилище, 2001. – С. 415–480.
18. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Вып. 4. – М. : Изд. ОИДР, 1915. – 737 с.
19. Белокуров, С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / С. А. Белокуров // Чтения ОИДР. – М. : Изд. ОИДР, 1907. – Кн. 2, 3. – 312 с.
20. Белокуров, С. А. Сношения России с Кавказом : материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. 1578–1613 гг. / С. А. Белокуров. – Вып. 1 // Чтения ОИДР. – М. : Изд. ОИДР, 1888. – Кн. 3. – С. 1–584.
21. Боярские списки последней четверти XVI – нач. XVII века и Роспись русского войска 1604 г. (указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа) : в 2 ч. / под ред. А. Л. Станиславского. – М. : ЦГАДА, 1979. – Ч. 2.
22. Боярский список 1610/11 г. // Чтения ОИДР. – М. : Изд. ОИДР, 1909. – Кн. 3. – С. 73–163.
23. Веселовский, С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1975. – 607 с.
24. Выписка из приходной книги Нижегородского уезда о сборе денег на жалование ратным людям, отправившимся с кн. Д. М. Пожарским для освобождения Москвы в 1612 г. // Временник ОИДР. – М. : Изд. ОИДР, 1853. – Кн. 17. – С. 1–3.
25. Гневушев, А. М. Акты времени правления царя В. Шуйского (1606–1610 гг.) / А. М. Гневушев // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Вып. 2. – М. : Изд. ОИДР, 1915. – 421 с.
26. Любомиров, П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения / П. Г. Любомиров. – М. : Госсоцэкониздат, 1939. – 342 с.

27. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 57. Волынские. – Карт. 3. – № 1. – 4 л.
28. Нижегородские платежные 7116 г. и 7120 г. / под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Вып. 7. – М. : Изд. ОИДР: Синод. тип., 1910. – 284 с.
29. Нижний Новгород в XVII веке : сб. док. – Горький : Горьк. кн. изд-во, 1961. – 463 с.
30. Новый летописец // Временник ОИДР. – Кн. 17. – М. : Изд. ОИДР, 1853. – 212 с.
31. Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения, 1611–1612 гг. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : сборник XI. – Н. Новгород, 1912. – 270 с.
32. Писцовая книга Казанского уезда, 1602–1603 гг. / сост. Р. И. Степанов. – Казань : Изд-во ЮГУ, 1978. – 240 с.
33. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. 4. – Ч. 1 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова. – М. : Изд-во РАН ; Ин-т рос. истории, 1994. – 140 с.
34. Разрядная книга 1550–1636 гг. – Вып. 2 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. – М., 1976. – 242 с.
35. Разрядные книги 1598–1638 гг. – М., 1974. – 398 с.
36. Расходная книга денежного стола Разрядного приказа (1606–1607 гг.) // Восстание И. Болотникова : док. и материалы. – М. : Соцэргиз, 1959. – С. 272–301.
37. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 141. – Оп. 1. – 1611 г. – Д. 2. – 8 л.
38. РГАДА. – Ф. 197. – Оп. 1. – Ч. 2. – Порт. 4. – №. 18.
39. РГАДА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Ч. 1. – Порт. 130. – Ч. 1. – 290 л.
40. РГАДА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Ч. 1. – Порт. 130. – Ч. 2. – №. 1.
41. РГАДА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Ч. 1. – Порт. 133. – Ч. 1. – №. 62. – Л. 123.
42. РГАДА. – Ф. 199. – Оп. 1. – Ч. 1. – Порт. 159. – Ч. 2. – 242 л.
43. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 6. – Д. 1066. – Ст. 3. Боярский список. – 53 л.
44. РГАДА. – Ф. 1167. – Оп. 1. – Д. 1443.
45. Сборник кн. Хилкова. – СПб. : Тип. Братьев Пантелеевых, 1879. – 580 с.
46. Сборник П. Муханова. – Изд. 2-е. – СПб., 1866. – 763 с.
47. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел : в 4 ч. – Ч. 2. – М. : Тип. Селивановско-го, 1819. – 612 с.

**GOVERNMENT AND MINOR OFFICIALS
OF THE MIDDLE VOLGA REGION TOWNS IN TROUBLED TIMES
AT THE BEGINNING OF THE XVII CENTURY**

N.V. Rybalko

This article is devoted to the town administration in the boundary territory of the Middle Volga region in Troubled Times of Russia. According to the author there were two big centers – Kazan and Nizhniy Novgorod, others were founded as fortresses in the second half of the XVI century: Arzamas, Alaty, Kurmysh, Svijazhsk, Temnikov, Unzha. The reconstruction of government and minor officials' biographies helped to make a personnel list of municipal departments (voevodskie and prikaznye izby) and study the sphere of their activity.

Key words: *Russian history, Middle Volga region, government officials, minor officials, Troubled Times, XVII century, municipal government.*